

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации

ЯНВАРЬ • 2014

Постановление от 31 января 2014 года № 1-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201402050004; дата опубликования: 05.02.2014)

Правовые категории в Постановлении: усыновление, ограничение осуществления права на усыновление, запрет на осуществление права на усыновление, права несовершеннолетних.

Заявитель: гражданин С. А. Аникиев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ постольку, поскольку данное законоположение служит основанием для решения вопроса о возможности установления усыновления лицами, имеющими или имевшими судимость, подвергающимися или подвергшимися уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за указанные в этом законоположении преступления.

Позиция заявителя: по мнению гражданина С. А. Аникиева, оспариваемое законоположение устанавливает для указанных в нем лиц, в том числе тех, в отношении которых начатое уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующему основанию, бессрочный и безусловный запрет на усыновление, исключая при этом возможность учета личности потенциального усыно-

вителя и фактических обстоятельств, имеющих существенное значение для дела.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой предусмотренный им запрет на установление усыновления детей распространяется на лиц:

1) имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за указанные в данном законоположении преступления, относящиеся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести;

2) имеющих судимость либо подвергающихся уголовному преследованию за иные указанные в данном законоположении преступления;

3) имевших судимость либо подвергавшихся уголовному преследованию за иные указанные в данном законоположении преступления, — постольку, поскольку на основе оценки опасности таких лиц для жизни, здо-

ровья и нравственности усыновляемого обеспечивается соразмерность введенного ограничения целям государственной защиты прав несовершеннолетних.

Также Конституционный Суд признал абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 7 (часть 2), 19 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой предусмотренный им запрет на усыновление детей распространяется на лиц, имевших судимость за указанные в данном законоположении преступления (за исключением относящихся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести), либо лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с преступлениями, не относящимися к категориям тяжких и особо тяжких, а также преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности, было прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Мотивы решения: В основе правового регулирования семейных отношений лежат принципы государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2, Конституции РФ), приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (статья 1 Семейного кодекса РФ).

При определении законодательных мер, гарантирующих реализацию прав и законных интересов ребенка как важнейшей конституционно значимой и социальной ценности, подлежат учету и требования международно-правовых актов. Как указывал Конституционный Суд, и Конституция РФ, и международно-правовые акты исходят из того, что одно из предназначений семьи — рождение и воспитание детей; при этом понятием «семья» — наряду с понятиями «материнство», «детство», «отцовство» — охватывается, как следует из сопоставления статьи 38 (часть 1) Конституции РФ с положениями ее статей 7 (часть 2), 23 (часть 1) и 72 (пункт «ж» части 1), особая сфера жизни человека, являющаяся объектом конституционного регулирования, которое конкретизируется в нормативных правовых актах федеральных органов государственной власти и органов государст-

венной власти субъектов Российской Федерации (см.: *определения от 5 июля 2001 года № 135-О и от 16 ноября 2006 года № 496-О*).

Одним из средств обеспечения правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком, направленной на реализацию принципа приоритета семейного воспитания детей, применительно к детям, оставшимся без попечения родителей, является возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью).

Перечисленные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, предусмотренные Семейным кодексом РФ (пункт 1 статьи 123), с одной стороны, имеют целью обеспечить таким детям надлежащие, в том числе эмоционально-психологические, условия для полноценного развития, а с другой — позволяют гражданам, в том числе тем, для кого биологическое материнство или отцовство исключено по медицинским показаниям, реализовать естественную потребность в осуществлении родительской заботы. Наличие возможности передать ребенка на воспитание в семью либо, если ребенок уже воспитывается в семье, — юридического оформления фактически сложившихся, содержательно раскрывающих понятие семьи по смыслу Конституции РФ, отношений согласуется с общеправовым принципом гуманизма, конституционными гарантиями семьи, материнства, отцовства и детства, а также с признанной семейным законодательством целью укрепления семьи. Что касается ограничений такой возможности федеральным законом, то они допустимы исключительно в целях защиты указанных конституционных ценностей, прежде всего — прав и законных интересов ребенка как наиболее уязвимой и зависимой стороны семейных отношений.

Усыновление (удочерение) как гарантия обеспечения ребенку права на достойную жизнь распространяется не только на детей, оставшихся без попечения обоих родителей, но и на пасынков (падчериц), которые воспитываются в семье и усыновление (удочерение) которых не изменяет их статуса в качестве детей, имеющих родительское попече-

ние, пусть и в лице единственного родителя (см.: *определения от 25 января 2012 года № 6-О-О, от 22 ноября 2012 года № 2166-О и др.*).

Поскольку усыновители, как и родители, имеют право и обязаны воспитывать своих детей, несут ответственность за их воспитание, обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (абзацы первый и второй пункта 1 статьи 63 Семейного кодекса РФ), а ребенок, соответственно, имеет право на обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства, равно как и право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей либо лиц, их заменяющих (абзац второй пункта 2 статьи 54 и пункт 2 статьи 56 Семейного кодекса РФ), федеральный законодатель — в целях максимального обеспечения интересов несовершеннолетних, для которых противостояние негативному влиянию либо преступным посягательствам невозможно или затруднено в силу возраста, — вправе предусматривать обусловленные необходимостью защиты конституционно значимых ценностей ограничения в отношении усыновления детей гражданами, поведение и морально-нравственные качества которых могут представлять угрозу для здоровья ребенка и формирования его личности.

Само по себе установление ограничений права на усыновление ребенка отвечает международным обязательствам Российской Федерации и согласуется с закрепленными Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» целями государственной политики в интересах детей, включая осуществление предусмотренных Конституцией РФ прав детей, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий их прав и законных интересов, формирование правовых основ гарантий прав ребенка, содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей и защиту от факторов, негативно влияющих на их развитие (пункт 1 статьи 4). Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд, при введении тех или иных ограничений, обусловленных конституционно одобряемыми целями, федеральный законодатель связан кон-

ституционным принципом соразмерности и вытекающими из него требованиями адекватности и пропорциональности используемых правовых средств.

Семейный кодекс РФ в статье 127 определяет круг лиц, которые могут быть усыновителями, исключая из него некоторые категории граждан, осуществление которыми воспитания ребенка не допускается. Главным образом, речь идет о лицах, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности (абзац десятый пункта 1).

Введение запрета на усыновление детей лицами, указанными в названном законоположении, преследует цель предупредить возможное негативное воздействие таких лиц на жизнь, физическое и психическое здоровье усыновляемых детей, на формирование их как личностей, а потому — по смыслу статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции РФ, под защитой которых находятся семья, материнство, отцовство и детство, — в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке соответствующих законодательных ограничений должен лежать именно принцип максимального обеспечения интересов ребенка.

Как указал Конституционный Суд в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П, сам факт совершения тяжких и особо тяжких преступлений из числа указанных в абзаце десятом пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести в силу особенностей объекта посягательства, тяжести последствий таких преступлений — свидетельствует об опасности этих лиц для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, которые, как правило, беззащитны перед взрослыми и находятся в зави-

симом от них положению, притом что каждодневный эффективный контроль за выполнением усыновителями родительских функций практически невозможен. Лишение таких лиц права усыновить ребенка представляет собой, таким образом, правомерное ограничение данного права, введение которого преследует конституционно значимые цели и не нарушает критерии соразмерности, вытекающие из статей 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ.

Не может расцениваться как нарушающее конституционный принцип соразмерности и ограничение права на усыновление детей, предусмотренное для лиц, уголовное преследование в отношении которых за совершение указанных в абзаце десятом пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ преступлений не завершено, поскольку рассмотрение вопроса о возможности усыновления таким лицом ребенка не исключается впоследствии, если по делу будет постановлен оправдательный приговор либо если уголовное дело будет прекращено по реабилитирующему основанию.

Вместе с тем в число преступлений, с которыми связывается данный запрет, федеральный законодатель включил и преступления, относящиеся к категориям небольшой и средней тяжести, в частности неосторожные. Сам факт совершения таких преступлений, как сопряженных с неосторожностью либо свидетельствующих о наличии умысла, позволяет усомниться в том, что это лицо обладает личностными качествами, необходимыми для заботливого воспитания ребенка, по крайней мере без риска для его жизни и здоровья.

Следовательно, с учетом правовой позиции, выраженной Конституционным Судом в постановлениях от 19 марта 2003 года № 3-П и от 18 июля 2013 года № 19-П, федеральный законодатель вправе ограничить в конституционно значимых целях возможность усыновления детей лицами, имевшими судимость за те из указанных в абзаце десятом пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ преступления, которые не относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также к преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести, постольку, поскольку имеются основания полагать, что совершившее такое преступление лицо,

будь оно усыновителем, представляло бы угрозу для жизни, здоровья и нравственности ребенка.

Опираясь на более ранние правовые позиции, Конституционный Суд в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П пришел к выводу, что в случае прекращения в отношении лица уголовного преследования по реабилитирующим основаниям вопрос, может ли это лицо представлять опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, остается непроясненным, а следовательно, в таких случаях не исключается возможность ограничения права этого лица на занятие педагогической деятельностью даже при отсутствии вступившего в законную силу приговора. Данный вывод применим и к лицам, желающим реализовать свое право на усыновление.

Безусловный запрет на усыновление детей — хотя по смыслу абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса РФ он действует в отношении лиц, уголовное преследование которых прекращено по любому из предусмотренных Уголовным кодексом РФ реабилитирующих оснований, притом что некоторые из этих оснований сами по себе свидетельствуют об оценке деяния и личности предположительно совершившего его лица как утративших общественную опасность, — может рассматриваться как ограничение права этого лица на усыновление ребенка, несоизмерное конституционно значимым целям его введения.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: преамбула, пункт 2 статьи 3, статья 4 и пункт 1 статьи 27 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года); ранее принятые Генеральной Ассамблеей ООН Декларация прав ребенка (Резолюция 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года) и Декларация о социальных и правовых принципах (Резолюция 41/95 от 3 декабря 1986 года); статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 июня 2004 года по делу «Пини и Бертани, Манера и Атрипальди (*Pini & Bertani, Manera & Atripaldi*) против Румынии»; Решение Европейского Суда по правам человека от 24 ноября 2005 года по делу «Владимир Лазарев и Павел Лазарев против России».

ФЕВРАЛЬ • 2014

Постановление от 6 февраля 2014 года № 2-П по делу о проверке конституционности подпункта 5 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201402110001; дата опубликования: 11.02.2014)

Правовые категории в Постановлении: инвалид Великой Отечественной войны; социальная защита ветеранов.

Заявитель: гражданин В. А. Корсаков (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: подпункт 5 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах» в той мере, в какой он служит основанием для отнесения к инвалидам Великой Отечественной войны лиц из числа привлекавшихся в годы Великой Отечественной войны организациями Осоавиахима СССР и органами местной власти к сбору боеприпасов и военной техники, разминированию территорий и объектов и получивших при проведении указанных работ ранение, контузию или увечье, повлекшие инвалидность.

Позиция заявителя: нарушение подпунктом 5 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах» своих прав, гарантированных статьями 2, 7, 15 (части 1 и 2), 18, 21 (часть 1) и 39 (часть 1) Конституции РФ, заявитель усматривает в том, что содержащееся в нем законоположение не позволило суду признать его инвалидом Великой Отечественной войны — в отличие от лиц, на тех же условиях и в том же порядке привлекавшихся органами местной власти в составе отрядов Осоавиахима СССР к сбору боеприпасов и разминированию освобожденных территорий в период с февраля 1944 года по декабрь 1951 года и получивших при этом ранение, контузию или увечье, повлекшие инвалидность.

Итоговые выводы решения: подпункт 5 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах» не соответствует Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1), 21 (часть 1) и 39 (часть 1), в той мере, в какой он не позволяет относить к инвалидам Великой Отечественной войны лиц, в годы Великой Отечественной войны привлекавшихся организациями Осоавиахима СССР и органами местной власти к сбору боеприпасов и военной техники, разминированию территорий и объектов и ставших ин-

валидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при проведении указанных работ ранее февраля 1944 года.

Мотивы решения. Федеральный законодатель установил правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации. Стремясь в максимальной степени учесть заслуги перед народом и Отечеством поколения, победившего в Великой Отечественной войне и принявшего на себя все ее тяготы, он выделил ветеранов Великой Отечественной войны в особую категорию. А также — с целью обеспечить повышенную социальную защиту тем из них, кто при исполнении долга по защите Отечества получил ранение, контузию, увечье или заболевание, повлекшие нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма и, соответственно, инвалидность, — подразделил граждан этой категории на участников Великой Отечественной войны и инвалидов Великой Отечественной войны.

Выбор критериев отнесения граждан к инвалидам Великой Отечественной войны является прерогативой федерального законодателя, который в процессе реализации на основании статей 71 (пункты «в», «е») и 76 (часть 1) Конституции РФ своих полномочий в сфере социальной защиты обладает широкой дискрецией как при установлении мер социальной поддержки, так и при определении категорий граждан, нуждающихся в социальной защите. Вместе с тем, осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель связан требованиями Конституции РФ, в частности ее статьи 19 (части 1 и 2), обязывающими его следовать гарантирующим защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод принципам юридического равенства и справедливости, из которых вытекает необходимость равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях, и соблюдение которых означает в том числе запрет вводить не

имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, находящихся в одинаковых или сходных обстоятельствах.

В силу приведенных правовых позиций, выраженных Конституционным Судом РФ в ряде решений (см.: *постановления от 3 июня 2004 года № 11-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П, от 24 октября 2012 года № 23-П* и др.), при определении критериев отнесения граждан, исполнивших долг по защите Отечества, к инвалидам Великой Отечественной войны также необходимо принимать во внимание объективные факторы, в том числе характеризующие сходным образом обстоятельства, при которых гражданином в период проведения боевых действий и устранения их последствий было получено ранение, контузия, увечье или заболевание, приведшие к инвалидности.

Получение статуса инвалида Великой Отечественной войны предполагает наличие двух условий — принадлежности к категории лиц, прямо поименованных в данном Федеральном законе, и наступления инвалидности вследствие повреждения здоровья, полученного в период Великой Отечественной войны.

Статья 4 Федерального закона «О ветеранах» относит к данной категории ветеранов Великой Отечественной войны в первую очередь лиц из числа военнослужащих регулярных воинских частей действующей армии, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при ведении боевых действий в период Великой Отечественной войны. С учетом того что исполнение конституционного долга по защите Отечества возможно как посредством несения военной службы, так и в других формах, данная статья относит к лицам, которые могут быть признаны инвалидами Великой Отечественной войны, некоторые категории гражданского населения, в том числе лиц, принимавших участие в устранении последствий ведения боевых действий, включая привлекавшихся организациями Осоавиахима СССР и органами местной власти к сбору боеприпасов и военной техники, разминированию территорий и объектов в период с февраля 1944 года по декабрь 1951 года и ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных в этот период (подпункт 5).

Вводя указанные хронологические границы, федеральный законодатель исходил из даты издания Государственным комитетом обороны СССР постановления от 19 февраля 1944 года № 5216 «О привлечении организаций Осоавиахима к работам по разминированию и сбору трофейного и отечественного имущества в районах, освобожденных от немецкой оккупации», то есть обусловил возможность приобретения статуса инвалида Великой Отечественной войны фактом участия гражданина в соответствующих работах исключительно с момента, когда их организация и проведение были нормативно оформлены, — не принимая при этом во внимание, что лица из числа гражданского населения начали привлекаться к таким работам органами местной власти значительно раньше, что они подвергали риску свою жизнь и здоровье и получали ранения, контузии и увечья непосредственно при их осуществлении.

Таким образом, регулирование, установленное подпунктом 5 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах», — безотносительно к наличию у всех тех участников работ по сбору боеприпасов и военной техники, разминированию освобожденных от оккупации территорий и объектов, кто при их проведении получил ранение, контузию или увечье, равных оснований, обуславливающих возможность признания этих граждан инвалидами Великой Отечественной войны, — по существу, вводит различия в их правовом статусе в зависимости от того, когда именно (до или после февраля 1944 года) осуществлялись соответствующие работы, при выполнении которых было получено повреждение здоровья, приведшее к инвалидности. Установление данного формального критерия в качестве основания для такой дифференциации применительно к гражданам, находившимся в годы Великой Отечественной войны в одинаковой ситуации, не может быть признано объективно оправданным, обоснованным и преследующим конституционно значимые цели.

Отсутствие у гражданина статуса инвалида Великой Отечественной войны — притом что в годы Великой Отечественной войны он наравне с другими лицами, имеющими данный статус в силу подпункта 5 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах», принимал участие в разминировании освобожденных от оккупации территорий, получил при этом,

как и они, повреждение здоровья, повлекшее инвалидность, — противоречит общеправовому принципу справедливости и несовмести-

мо с обязанностью государства охранять на основе юридического равенства достоинство личности, не допуская его умаления.

Постановление от 21 февраля 2014 года № 3-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201402240007, дата опубликования: 24.02.2014)

Правовые категории в Постановлении: свобода экономической деятельности, право на свободное использование имущества для предпринимательской деятельности, принцип свободы договора, принцип стабильности гражданского оборота.

Заявитель: Общество с ограниченной ответственностью «Фирма Рейтинг» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в той мере, в какой его положения служат основанием для решения вопроса о возможности признания увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью за счет внесения дополнительных вкладов всеми его участниками состоявшимся в случае, если участники общества, оставшиеся при голосовании в меньшинстве, не внесли дополнительные вклады в установленные законом сроки.

Позиция заявителя: оспариваемая норма нарушает права и свободы, гарантированные статьями 8 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (часть 1) и 34 (часть 1) Конституции РФ, по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, ограничивают для участников общества с ограниченной ответственностью возможность свободного использования принадлежащего им имущества для вклада в уставный капитал общества, поскольку позволяют блокировать решение общества об увеличении уставного капитала общества одному или нескольким участникам общества, не согласным с этим решением.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал положение пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» не противоречащим Конституции, поскольку содержащиеся в нем положения — по своему

конституционно-правовому смыслу и с учетом ранее выраженных Конституционным Судом правовых позиций — не предполагают признания принятого необходимым квалифицированным большинством голосов участников общества с ограниченной ответственностью решения об увеличении уставного капитала общества за счет внесения дополнительных вкладов всеми его участниками недействительным, а проведенного в результате такого решения увеличения уставного капитала общества — несостоявшимся на том основании, что участники общества, оставшиеся при голосовании в меньшинстве, не внесли дополнительные вклады в установленные законом сроки.

Мотивы решения. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусматривает два способа увеличения уставного капитала общества: за счет внесения дополнительных вкладов всеми участниками общества (пункт 1 статьи 19) и на основании заявления участника общества (заявлений участников) о внесении дополнительного вклада и (или), если это не запрещено уставом общества, заявления третьего лица (заявлений третьих лиц) о принятии его в общество и внесении вклада (пункт 2 статьи 19).

Применительно к решению об увеличении уставного капитала общества с ограниченной ответственностью за счет внесения дополнительных вкладов всеми его участниками возможность достижения баланса внутрикорпоративных интересов обеспечивается с помощью диспозитивных норм, позволяющих предусмотреть в уставе общества требование о принятии такого решения большим, чем две трети, числом голосов участников общества (участники ООО «Фирма Рейтинг» такой возможностью не воспользовались и, следо-

вательно, согласились на условия, установленные федеральным законодателем).

На общества с ограниченной ответственностью в силу схожей корпоративной природы распространяются правовые позиции, высказанные Судом в отношении акционерных обществ. Так, в силу особенностей предпринимательской деятельности в форме акционерного общества основанием для отчуждения у части акционеров принадлежащего им имущества могут быть интересы акционерного общества в целом, в той мере, в какой оно действует для достижения общего для акционерного общества блага (см.: *Постановление от 24 февраля 2004 года № 3-П, Определение от 3 июля 2007 года № 681-О-П*). Поэтому уменьшение в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью доли одного из его участников может быть признано допустимым, если это вызвано целями достижения общего для данного общества интереса и участнику, доля которого уменьшается, обеспечены эффективные механизмы защиты его интересов. (К таким механизмам относится, к примеру, возможность закрепления в уставе положений, в силу которых принятие решения об увеличении уставного капитала общества за счет внесения всеми его участниками дополнительных вкладов может быть принято только единогласно. Кроме того, в случае принятия решения об увеличении уставного капитала общества общество обязано приобрести по требованию его участника, голосовавшего против принятия такого решения или не принимавшего участия в голосовании, долю в уставном капитале общества, принадлежащую этому участнику. Наконец, решение общего собрания, принятое с нарушением требований законодательства или устава, может быть признано судом недействительным по заявлению участника общества, не принимавшего уча-

стия в голосовании или голосовавшего против оспариваемого решения).

Сложившаяся практика применения судами оспариваемой нормы не позволяет в каждом конкретном случае достичь должного баланса интересов всех лиц, участвующих в соответствующих правоотношениях. Между тем нормативная конструкция, содержащаяся в пункте 1 статьи 19 названного Закона и находящаяся в неразрывной связи с пунктом 2 той же статьи, рассчитана на различные ситуации, в которых у общества с ограниченной ответственностью может возникнуть потребность в увеличении уставного капитала. Например, потребность в изменении размера уставного капитала заявителя была обусловлена его намерением выйти на новый товарный рынок, для осуществления деятельности на котором законом предусматриваются особые требования к размеру уставного капитала.

Во всех подобных случаях положения оспариваемой нормы должны толковаться исходя из интересов общества с ограниченной ответственностью в целом. Поэтому они не предполагают признания принятого большинством голосов участников общества решения об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов всеми его участниками недействительным, а увеличения уставного капитала общества — несостоявшимся на том основании, что один или несколько участников общества не внесли дополнительные вклады в установленные законом сроки. Иное означает нарушение принципа стабильности гражданского оборота, а также принципов недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц.

Постановление от 25 февраля 2014 года № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.231 и 19.73 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201402270016, дата опубликования: 27.02.2014)

Правовые категории в Постановлении: административная ответственность, соразмерность наказания, право собственности.

Заявители: Арбитражный суд Нижегородской области, общества с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомби-

нат» и «ВОЛМЕТ», открытые акционерные общества «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электрон-комплекс», закрытые акционерные общества «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетное учреждение здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 “Нейрон” Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения части 1 статьи 7.3, части 1 статьи 9.1, части 1 статьи 14.43, части 2 статьи 15.19, частей 2 и 5 статьи 15.231 и статьи 19.73 КоАП РФ, устанавливающие минимальные размеры административных штрафов, применяемых в отношении юридических лиц, совершивших предусмотренные ими административные правонарушения, в той мере, в какой эти положения во взаимосвязи с закрепленными данным Кодексом общими правилами применения административных наказаний служат основанием для наложения на юридическое лицо административного штрафа за конкретное административное правонарушение.

Позиция заявителей: оспариваемые нормы устанавливают для юридических лиц значительные минимальные размеры административных штрафов. Притом что действующее правовое регулирование не допускает назначение административного наказания ниже низшего предела соответствующей административной санкции, данные нормы не позволяют обеспечить соразмерность административного наказания в зависимости от материального положения нарушителя и создают предпосылки для необоснованного ограничения права собственности и права на занятие предпринимательской и иной экономической деятельностью.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал положения части 1 статьи 7.3, части 1 статьи 9.1, части 1 статьи 14.43, части 2 статьи 15.19, частей 2 и 5 статьи 15.231 и статьи 19.73 КоАП РФ не соответствующими Конституции, ее статьям 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1, 2 и 3) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования эти положения во взаимосвязи с закрепленными данным Кодексом общими правилами применения административных наказаний не допускают назначения административного штрафа ниже низшего предела,

указанного в соответствующей административной санкции, и тем самым не позволяют надлежащим образом учесть имеющие существенное значение для индивидуализации административной ответственности обстоятельства и обеспечить назначение справедливого и соразмерного административного наказания. Федеральному законодателю надлежит внести в КоАП РФ изменения, вытекающие из данного Постановления. До внесения в КоАП РФ надлежащих изменений размер административного штрафа, назначаемого юридическим лицам, совершившим административные правонарушения, предусмотренные диспозициями оспариваемых норм, и иные правонарушения, минимальный размер административного штрафа за которые установлен в сумме ста тысяч рублей и более, может быть снижен судом ниже низшего предела, предусмотренного для юридических лиц соответствующей санкцией.

Мотивы решения: меры административной ответственности и правила их применения должны не только соответствовать характеру правонарушения, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порожаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения (см.: *постановления от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 марта 2008 года № 5-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П и от 14 февраля 2013 года № 4-П*).

Согласно части 3 статьи 4.1 КоАП РФ при назначении административного наказания юридическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, имущественное и финансовое положение юридического лица, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность. При этом закон предоставляет судье, органу, должностному лицу, рассматривающим дело об административном правонарушении, правомочие признать смягчающими обстоятельства, не указанные в данном Кодексе или законах субъектов Российской Федерации об администра-

тивных правонарушений (часть 2 статьи 4.2). Между тем в условиях, когда нижняя граница административных штрафов для юридических лиц за совершение административных правонарушений составляет как минимум сто тысяч рублей, как это предусмотрено, в частности, оспариваемыми нормами КоАП РФ, обеспечение индивидуального подхода к наложению административного штрафа становится крайне затруднительным.

В результате для отдельных коммерческих организаций привлечение к административной ответственности сопровождается существенными обременениями, которые могут оказаться для них непосильными и даже привести к вынужденной ликвидации.

При отсутствии у судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении, полномочий по наложению административного наказания ниже низшего предела, определенного соответствующей административной санкцией, по существу, единственным вариантом, позволяющим избежать чрезмерного ограничения имущественных прав юридических лиц при применении административных штрафов, является возможность освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения. Тем не менее этот институт ориентирован исключительно на правоприменительную оценку самого правонарушения и не предназначен для целей учета имущественного и финансового положения юридических лиц или иных смягчающих административную ответственность обстоятельств. Поэтому он не может быть отне-

сен к средствам, которые позволяли бы при определении меры административной ответственности скорректировать последствия законодательного установления значительных минимальных размеров административных штрафов и тем самым избежать непропорционального ограничения имущественных прав юридических лиц.

Наличие же в законодательстве дополнительных, не связанных с малозначительностью совершенного административного правонарушения, оснований освобождения от административной ответственности имеет узкую предметную направленность и охватывает собой только отдельные виды административных правонарушений.

Что касается отсрочки и (или) рассрочки уплаты административного штрафа, то это условие исполнения соответствующего правоприменительного решения не влияет на размер административного штрафа, который подлежит уплате. Возможность же освобождения юридического лица от исполнения (полного или частичного) административного наказания в виде административного штрафа, даже в случае устранения нарушений, послуживших основанием для его назначения, законом не предусмотрена.

В связи с этим нельзя исключить превращения административных штрафов, имеющих значительные минимальные пределы, из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности.

МАРТ • 2014

Постановление от 18 марта 2014 года № 5-П по делу о проверке конституционности части второй¹ статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201403240018; дата опубликования: 24.03.2014)

Правовые категории в Постановлении: условно-досрочное освобождение; уведомление потерпевшего по уголовному делу о судебном заседании по рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного

по данному уголовному делу от отбывания наказания.

Заявитель: Кетовский районный суд Курганской области (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть вторая¹ статьи 399 УПК РФ в той мере, в какой ее положения служат основанием для обеспечения права потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя участвовать в судебном заседании при рассмотрении судом вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания.

Позиция заявителя: Кетовский районный суд Курганской области, в производстве которого находится ходатайство осужденного Е. о его условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, полагает, что часть вторая¹ статьи 399 УПК РФ, наделяющая потерпевшего по уголовному делу правом на участие в судебном заседании при рассмотрении данного вопроса и тем самым распространяющая такие принципы уголовного судопроизводства, как состязательность и равноправие сторон, на стадию исполнения приговора, на которой, как утверждается в запросе, правосудие в прямом смысле не осуществляется, противоречит статьям 50 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции РФ. При этом оспариваемые законоположения, связывая решение вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания с выявлением позиции по этому вопросу потерпевшего, не регламентируют порядок предоставления сведений, необходимых для его надлежащего извещения о времени и месте проведения судебного заседания, что, учитывая значительное время, прошедшее после постановления приговора, затрудняет своевременное получение судом адреса потерпевшего.

Итоговый вывод решения: часть вторая¹ статьи 399 УПК РФ признана соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой установленный ею институт участия потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя в судебном заседании при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания не обуславливает разрешение судом данного вопроса по существу позицией потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя.

Часть вторая¹ статьи 399 УПК РФ признана не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 17 (часть 3), 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 50 (часть 3), в той мере, в какой она, предполагая в качестве условия рассмотрения судом ходатайства осужденного об условно-до-

срочном освобождении от отбывания наказания обязательность подтверждения получения потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем извещения, уведомляющего о дате, времени и месте предстоящего судебного заседания, в силу неопределенности механизма такого уведомления препятствует своевременному разрешению судом данного вопроса по существу.

Мотивы решения. Потерпевший как лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации, имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, несводимые исключительно к получению возмещения причиненного вреда. Эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых, в свою очередь, во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда. Именно поэтому потерпевшему должны обеспечиваться участие в судебном заседании на всех стадиях уголовного процесса, возможность довести свою позицию по существу дела до сведения суда и отстаивать свои права и законные интересы всеми не запрещенными законом способами (см.: *постановления от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 16 октября 2012 года № 22-П и др.; определения от 5 декабря 2003 года № 446-О, от 24 ноября 2005 года № 431-О, от 11 июля 2006 года № 300-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О и др.*).

Соответственно, устанавливаемые федеральным законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны в максимальной степени способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления своих прав. Конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах (см.: *Постановление от 25 июня 2013 года № 14-П*).

Реализуя предписание статьи 52 Конституции РФ, обязывающей государство обеспечивать лицам, потерпевшим от преступлений,

доступ к правосудию, с тем чтобы они имели возможность отстаивать свои имущественные и неимущественные интересы, в том числе путем обжалования судебных решений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, осужденных за эти преступления, федеральный законодатель дополнил статью 399 УПК РФ частью второй¹, предусматривающей возможность участия потерпевшего либо его законного представителя и (или) представителя в судебном заседании при рассмотрении судом вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного, а часть первую статьи 79 УК РФ, определяющую требования, соблюдение которых необходимо для применения условно-досрочного освобождения, — указанием на полное или частичное возмещение вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в ряде его решений, обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания. Такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных неправомерным деянием прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего (см.: *постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 27 июня 2005 года № 7-П, от 16 мая 2007 года № 6-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения от 23 мая 2006 года № 146-О, от 20 ноября 2008 года № 1034-О-О, от 8 декабря 2011 года № 1714-О-О и др.*).

Приведенная правовая позиция в равной мере распространяется на стадию исполне-

ния приговора, в которой суд на основании пункта 4 статьи 397 УПК РФ рассматривает вопрос об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания в соответствии со статьей 79 УК РФ, предусматривающей возможность его применения при условии фактического отбытия осужденным установленной данным Кодексом части срока назначенного наказания, признания его судом не нуждающимся для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания и полного или частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда (часть первая, третья, четвертая и пятая), и с учетом принципов индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их к правопослушному поведению.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, осуществляемое на стадии исполнения приговора, так же как и определение пределов уголовной ответственности и наказания, осуществляемое на предшествующих стадиях, не может обуславливаться волеизъявлением потерпевшего — иное противоречило бы правовой природе и целям наказания. Этим, однако, не ставится под сомнение допустимость законодательного закрепления права потерпевшего участвовать в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и условий его реализации.

Конституционно-правовой, а также процессуальный статус потерпевшего по уголовному делу предполагают его право довести до суда свою позицию по вопросу об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного по данному уголовному делу, которая позволит учесть в рамках судебной процедуры конституционно оправданные интересы потерпевшего, связанные с обеспечением его личной безопасности, защитой его семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступление, либо с получением реального возмещения причиненного этим преступлением вреда.

Реализация потерпевшим указанного права не должна, однако, осуществляться с нарушением принципа процессуальной экономии, то есть приводить к существенному увеличению сроков рассмотрения ходатайств об ус-

ловно-досрочном освобождении (особенно если количество потерпевших по делу исчисляется десятками и сотнями) и, как следствие, к чрезмерно длительному пребыванию осужденного в состоянии ожидания судебного решения и неопределенности относительно своего правового положения. В противном случае не только затруднялось бы осуществление осужденным гарантированного статьей 50 (часть 3) Конституции РФ права просить о смягчении наказания, но и ставилась бы под сомнение эффективность уголовного судопроизводства как необходимое условие справедливого правосудия, что приводило бы к нарушению статей 17 (часть 3) и 46 (часть 1) Конституции РФ и в конечном счете — к нарушению баланса конституционных ценностей.

В таком аспекте обеспечение в производстве по рассмотрению вопросов, связанных с применением института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, баланса прав осужденных и лиц, пострадавших от преступлений, во многом предопределяется наличием в распоряжении суда, рассматривающего ходатайство об условно-досрочном освобождении, организационных механизмов, позволяющих получить актуальную информацию о местонахождении потерпевшего и тем самым считать его извещенным о поступлении соответствующего ходатайства. Между тем федеральный законодатель, вводя в правовое регулирование положения, предусматривающие возможность участия потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя в рассмотрении судом вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания, по существу, не определил порядок их реализации (адрес потерпевшего вместе со всеми материалами уголовного дела хранится в суде по месту рассмотрения данного дела и к тому же может измениться. Не обязательно обладают необходимой информацией органы и учреж-

дения Федеральной службы исполнения наказаний, а усилия компетентных органов по розыску потерпевшего не всегда соразмерны значению его участия в процессе).

Заявление потерпевшим ходатайства о получении интересующей его информации сопряжено с предоставлением им самим необходимых контактных данных (почтового адреса, адреса электронной почты, номера телефона и др.), которые должны быть зафиксированы судом при вынесении соответствующего определения или постановления, и предполагает поддержание таких данных в актуальном состоянии в течение всего срока исполнения наказания, а при их изменении обязывает потерпевшего или его законного представителя своевременно сообщить об этом либо в суд, постановивший приговор, либо в учреждение или орган, исполняющие наказание. Соответственно, направление информации по указанному самим потерпевшим адресу снимает проблему подтверждения ее получения — в таком случае оно, по существу, презюмируется.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: утвержденная Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью; Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 28 июня 1985 года R(85)11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»; Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 14 июня 2006 года Rec(2006)8 «Об оказании помощи потерпевшим от преступлений»; принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/110 от 14 декабря 1990 года Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила).

Постановление от 19 марта 2014 года № 6-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201403190016; дата опубликования: 19.03.2014)

Правовые категории в Постановлении: не вступивший в силу международный договор; принятие в Российскую Федерацию новых субъектов; временное применение международного договора.

Заявитель: Президент РФ (в порядке пункта «г» части 2 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: не вступивший в силу международный договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов в целом. При этом проверка конституционности Договора осуществляется Конституционным Судом РФ в тех пределах, в которых она для такого рода актов допустима исходя из Конституции РФ и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Позиция заявителя: Президент РФ, поскольку он в порядке реализации возложенного на него полномочия подписал международный договор о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации, не усматривает в нем несоответствие Конституции РФ, что подтверждается и текстом запроса.

Итоговый вывод решения: не вступивший в силу международный договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов соответствует Конституции РФ.

Мотивы решения. Согласно пункту 1 статьи 8 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» только в случае, если Конституционный Суд РФ признает не вступивший в силу международный договор соответствующим Конституции РФ, он может быть ратифицирован, притом что

ратификация является обязательным условием обретения им юридической силы.

Со стороны Российской Федерации рассматриваемый Договор подписан Президентом РФ, который наделен полномочием определять в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства, как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях, а также осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации, ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации (статья 80, части 3 и 4; статья 86, пункты «а», «б», Конституции РФ). Исходя из этого подписание рассматриваемого Договора Президентом РФ соответствует Конституции РФ.

Не противоречит рассматриваемый Договор Конституции РФ и с точки зрения установленного ею разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и разграничения компетенции между федеральными органами государственной власти, поскольку в соответствии со статьей 8 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» вопрос о его ратификации разрешается Федеральным Собранием. Поскольку Конституция РФ относит заключение международных договоров Российской Федерации к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт «к»), подписание рассматриваемого Договора не может вызывать сомнения и с точки зрения установленного Конституцией РФ разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Применительно к рассматриваемому Договору использование допускаемой россий-

ским и международным правом возможности применения международного договора до его вступления в силу означает, что с момента подписания рассматриваемого Договора, как следует из его статей 2 и 5 во взаимосвязи со статьей 67 (часть 1) Конституции РФ, Республика Крым и город федерального значения Севастополь находятся в составе Российской Федерации в качестве ее субъектов.

В отношении всех положений Договора (касающихся статуса новых субъектов Российской Федерации, государственных языков, регулирования вопросов государственной границы Российской Федерации, гражданства жителей Крыма, прохождения военной службы гражданами Российской Федерации, призванными на военную службу в Республике Крым и Севастополе, выборов в органы государственной власти новых субъектов и действия на их территории законодательных и иных нормативных правовых актов) Конституционный Суд РФ решил, что по содержанию норм этот Договор соответствуют Конституции РФ, указав при этом, что некоторые из них впоследствии должны быть конкретизированы в федеральном конституционном законе. Так, Конституционный Суд РФ

признал, что наличие переходного периода само по себе является необходимым следствием образования в Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Его конкретное содержание в рассматриваемом Договоре не определяется — за некоторыми исключениями, подлежащими конституционно-правовой оценке применительно к другим его статьям, и должно получить нормативное развитие в федеральном конституционном законе о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и в уточняющем и конкретизирующем его положения отраслевом законодательстве, с тем чтобы обеспечить баланс потребностей интеграции новых субъектов в Российскую Федерацию, с одной стороны, и иных конституционных ценностей — с другой.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: пункт 1 статьи 25 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

Обзор подготовили: Артем Маркин, Ольга Подоплелова. Редактор: Татьяна Храмова.